

истории Востока и Запада, она призвана осветить социальную действительность всего мира.

К этой работе и зовет евразийство. Все предыдущее указывает, на какой философской основе должна разворачиваться эта работа. Н. С. Трубецкой утвердил идеократию, как особую форму отбора правящего слоя. Как феномен сущего, эта форма есть отражение более широкого порядка явлений. В политической области люди, сознательным усилием, достигают того, что в качестве устойчивого порядка господствует в мире истории и природы. *Периодическая система сущего восходит к системе организационных идей.* И ее периодичность определяется ритмикой в сочетании организуемых элементов. Это одинаково относится к «периодической системе химических элементов», в том виде как ее раскрывает современная физическая химия, к «периодической системе зон», в ее климатологической стороне, к той «периодической системе», к которой тяготеет современная биология. Рассматривая на тех же основаниях ряд социально-экономических формаций, можно построить, путем сочетания важнейших производственных элементов, своеобразную «периодическую систему» общественных укладов. — Установление организационных идей, лежащих в основе сущего, в высокой мере способствует упорядоченности и стройности нашего познания. Можно сказать даже, что путь к высшим формам познания пролегает именно и только чрез установление *системы организационных идей*, действующих в каждой отрасли явлений. Устанавливая эти системы и сопоставляя их, евразийство стремится к нахождению *единой философии сущего*.

По сказанному выше, в организационной идее каждого явления мы нащупываем его эйдос. И наблюдая, как эйдос управляет явлением, мы приходим к *эйдократической* концепции сущего — не только в политическом, но и в самом широком философском смысле слова. — В одних случаях, эйдос — перед тем, как раскрыться в мире — проходит чрез человеческое сознание. В этих случаях организационная идея есть, прежде всего, факт человеческого сознания. В других случаях организационная идея присуща самим вещам (физическая химия, география, биология) и только улавливается нашим сознанием, — но уже не в порядке действенной практики (как в политике или экономике), а только в порядке познания. Однако, и здесь организационная идея остается сама собою. В этих *противоположных* выявлениях организационной идеи раскрывается ее *единство*, тожество «образа и подобия» ее различных носителей. — Чрез осознание этого единства пролегает путь к *познанию движущей силы мира*.

ПОД ЗНАКОМ ДИАЛЕКТИКИ

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ, КРИЗИС МАРКСИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Марксизм возник в эпоху расцвета паровой централизованной техники второй половины XIX века. Он с самого рождения определен и закрепощен технической картиной этой эпохи. Можно даже сказать, что сам марксизм входит в состав этой картины, является ее идеологическим рупором и типичным продуктом XIX века. Ортодоксальный марксист живет, мыслит и действует словно техника навсегда должна оставаться прикрепленной к громоздкому паровому котлу и к паровой поршневой машине — тяжелой, слабой и неэкономной.

Классический капитализм и связанное с ним социальное зло пролетаризации и эксплуатации масс — соединены в единый целый комплекс с паровым котлом и поршневой паровой машиной.

Марксисты, столь любящие сомнительную философски, критически неоправданную и не проверенную теорию «базиса и надстройки», почему то не захотели заметить главного, — что до некоторой степени имело бы видимость оправдания их теории. Они не заметили того, что *классический капитализм и связанная с ним социальная морфология являются «надстройками» над главным техническим фактором XIX века: над центральным паровым котлом и центральной паровой машиной, приводящей в действие большую фабрику, обслуживаемую пролетариатом.* Собственно здесь термин «базис» является приблизительным и мало удовлетворительным. Лучше говорить о центре и периферии. В центре — паровой котел с большой паровой машиной. На периферии и по радиусам — соответственные им, «конформные» им социально-экономические явления хорошо известного типа; с ними находятся в комплексной связи некоторые явления

— далеко не все — общей духовной культуры. Рассмотрим, в чем тут дело.

Малая паровая машина требует для своего привода в действие довольно дорогой котельной установки и чрезвычайно невыгодна. Вместо двух паровых машин с двумя котлами, из которых каждая, скажем, в 50 сил, гораздо выгоднее иметь одну паровую машину в 100 сил с одним паровым котлом. Использование энергии пара тем совершеннее, чем больше силовая единица. Кроме того, передача двигательной силы от паровой машины возможна только на небольшое расстояние. Отсюда централизованность предприятий, отсюда концентрация капиталов, отсюда и соответствующие социально-экономические и культурные явления.

Что же лежит в основе всего этого комплекса и всего этого процесса? Ответ может быть лишь один: духовная функция изобретателя паровой машины. Это он, изобретатель паровой машины, вместе с ее усовершенствателями, вызвал концентрацию движущих сил, концентрацию капитала, появление его магнатов, — с одной стороны, и обширной армии пролетариата, с другой. Вот какова истинная картина соотношения «базиса и надстройки». Правда, даже развитие классического капитализма не оправдало навязчивых лже-пророчеств маркизма о концентрации всех капиталов в немногих руках и об обращении в пролетариат всего остального человечества.

Даже и в царстве паровой машины и концентрированного капитала дело пошло совсем не так, как бы этого хотелось марксистам. Явилась многочисленная и чрезвычайно многообразная гамма промежуточных состояний, не принадлежащих ни к пролетариату, ни к магнатам капитала.

Даже в пределах классического капитализма, выросшего на централизованной паровой машине, стал наблюдаться мощный процесс социально-экономической и культурной децентрализации.

Можно себе представить, с какой бурной силой должен был бы проявить себя этот процесс в том случае, если бы творческий гений человека заменил громоздкую центральную паровую машину с ее котлом — децентрализованным типом двигателя, который был бы выгоден и удобен как в малых, так и в больших размерах.

Это уже совершилось. Появился, во первых, двигатель внутреннего сгорания, допускающий дробление мощности до дробей лошадиной силы и концентрацию до многих тысяч. Во вторых, появились электрический генератор и трансформатор высокого напряжения, позволяющие передавать по тонким проводам энергию на сотни километров. С электрическими генераторами появился и электродвигатель — от миниатюрных форм,

приводящих в действие машины домашних хозяек и бор-машину зубного врача — до грандиозных установок современной тяжелой индустрии.

Существовавший до этого способ распределения паровой силы с помощью шкивов и передаточных ремней заменился передачей электрической энергии по гибкому проводу. Электрические провода мы видим всюду — они спускаются на дно глубочайших шахт, взлетают на горные кручи, заходят в глухие, заброшенные фермы, деревни и т. д. Близится, повидимому, эпоха беспроводной передачи энергии.

Таким образом, силовые станции, ранее ограниченные пределами заводских корпусов, ныне распространили свое влияние на сотни километров от мест своей установки. Они допускают бесконечную дробимость энергии и удобство пользования ею.

Из сказанного вырисовываются дали некоторого социально-экономического и материально-культурного будущего, которое, впрочем, в значительной степени уже осуществилось и стало фактом.

Как и всегда, истинный прогресс заключается не в пресечении, устранении и уничтожении, а в полноте сосуществования различных форм и в преодолении низшего высшим. Мы уже не говорим о том, что самый процесс эволюции, каким его себе представляет, напр., один из характерных идеологов XIX века Герберт Спенсер, заключается в сосуществовании процессов дифференциации и интеграции, — что с формальной точки зрения в значительной степени верно.

Прогрессивная эволюция современной техники и дает именно картину сосуществования концентрации и дробления, хотя процесс совершенствования сосредоточен преимущественно на дроблении и дифференциации. В этом собственно пункте выявляются наиболее веские прогнозы, связанные с чрезвычайно важной проблемой децентрализации культуры.

Как далеко может простираться выгодная и целесообразная децентрализация технической культуры, видно из того, что в наше время вес бензино-мотора доведен до 225 граммов на лошадиную силу. При этом надо иметь в виду, что здесь допускается еще дальнейшее дробление. Современного типа авиационный мотор для тяжелых масел доведен до 217 кг. при 200 лошадиных сил. При таком совершенстве двигателей допустима децентрализация, напр., в сельском хозяйстве, в значительной степени, чем это возможно на основе примитивной лошадиной тяги и даже ручного труда. По сей день многим кажется, что техническое несовершенство лошадиной и людской силы есть причина децентрализованности сельского и домашнего хозяйства, коллективизация которых и унификация неминуемо дол-

жны, будто бы, последовать за рациональным применением механических двигателей. Российскими марксистами до такой степени овладела навязчивая идея крупного трактора и социалистических казарм-домов с их коллективизированным бытом, что они просто перестали замечать прогресс современных механических моторов, не только допускающих децентрализованные хозяйства, наряду с центральными силовыми установками, но при некоторых условиях даже имеющих над последними неоспоримые преимущества. Легкие, дешевые автомобили, небольшие моторы для обработки мелких участков земли, небольшие перевозные моторы, действующие газами всевозможных отбросов и могущие быть в кратчайшее время приспособленными к молотилке, соломорезке, пиле, насосу и т. п. — говорят сами за себя. Ныне нищие точильщики ножей сочли для себя выгодным обзавестись собственными моторами. В домашнем хозяйстве, в местностях, удаленных от районных силовых станций, выступают уже небольшие силовые станции для электрического освещения, чтобы не упоминать здесь о всевозможных формах мелких электродвигателей, приводящих в движение пылесосы, швейные машины и т. п. К этому надо прибавить, что мелкие и выгодные формы двигателей (независимо от того, бензиновые ли они, действующие ли органическими отбросами, электрические ли) раскрывают новые возможности для кустарных промыслов. Живучесть этих последних поистине изумительна (особенно в области фабрикации часов и физических приборов). Кустарная промышленность выдержала состязания не только с крупной промышленностью Франции, Швейцарии и Германии, но не могла быть совершенно умерщвлена и советской крупной индустрией.

Все время надо иметь в виду, что идея всепоглащающей коллективизации, централизации и унификации выросла на базисе классического «парового» капитализма и в наше время обозначает скорее регресс и отсталость.

Надо заметить, что в ту эпоху, когда паровая машина была действительно новостью и означала настоящий прогресс, — последний покупался ценой жестокой деградации качества продукции. Недаром в эпоху расцвета паровой техники, да и в наше время, выражение «машинная работа» остается синонимом плохого качества, а термином «ручная работа» определялась прочность, добротность и красота товара. Это хороший урок для крепкоголовых сторонников идеи единого, линейного и всеобщего прогресса. Современный двигатель мелкого типа, современные мелкие станки, предназначенные для всевозможных производств и доведенные до высочайшей степени совершенства дают возможность сочетать быстроту и точность работы с той интимностью общения мастера с материалом, которое одно

обеспечивает добротность и красоту работы, равно как и возможность непрерывного творческого и индивидуального совершенствования. Этим возвращается слову «техника» его античный высокий смысл, раскрывающийся в своем идеале, как искусство. Здесь необходимо упомянуть, что техника сельского хозяйства с примыкающими сюда сферами — садоводством, огородничеством, скотоводством, птицеводством — могут быть творчески усовершенствованы лишь в порядке широкой децентрализации и при наличии не стандартного, а индивидуального отношения к объектам хозяйственной деятельности. Выращивание новых культур овощей и плодов, новых цветов, выведение новых пород скота и птиц — возможны, главным образом, в порядке индивидуально-инициативном. Здесь огульная коллективизация и централизация так же вредны и бессмысленны, как и в сфере искусства в подлинном значении этого слова. Правда, в наше время существуют сторонники так. наз. «социального заказа», представляющего пышный термин для весьма неприглядного содержания, — для обозначения принудительного социального подкупа. Самое ужасное, что и коллектива при этом никакого не получается, а дело сводится к механическому конгломерату раздавленных индивидуальностей. Между тем, не будь этого уничтожающего нажима, наша эпоха, — социальная, — не только в дурном, но и в хорошем смысле слова, — могла бы дать, и кое-где дает, продуктивное и прекрасное сочетание моментов лично-инициативного и социально-симфонического. Капитало-коммунистическая стандартизация, губящая столько же качество продукции, сколько и личность рабочего, ныне уже обретает пути своего раскрепощения.

Картина технического прогресса вообще с удивительной стройностью может быть выражена в тройственной системе Гегелевской диалектики: тезис, антитезис, синтез.

Тезис: цеховая техника, цеховое производство, патриархально-цеховой быт и режим. Господство художественных тенденций и идеи качества — шедевра (мейстершток). Примененные силы людской, лошадиной и отчасти водяной.

Антитезис: централизованная техника, централизованное производство, буржуазно-капиталистический режим с его тенью и продолжением — марксистским коммунизмом. Господство стандартного производства, падение и исчезновение идей совершенства, художественности и добротности, победа количества над качеством, применение паровой машины. Закрепощение рабочего и разрушение его личности.

Синтез: дальнейший рост централизации, господство социальных тенденций и кооперативных идей, возникновение новых, усовершенствованных децентрализованных хозяйств, бурный прогресс двигателей внутреннего сгорания и электро-

двигателей, возникновение новых возможностей в связи с электрофикацией металлургии и сельского хозяйства. Перспективы возможного раскрепощения рабочего и возрождения его личности в связи с неминуемостью падения классического капитализма и коммунизма. Появление новых социальных вопросов немарксистского типа.

Без сомнения, это не такая диалектика, которая могла бы прийтись по вкусу ортодоксальным марксистам. Здесь в основу положена не убийственная и самоубийственная идея классовой борьбы, но творческий дух изобретателя и те воздействия, которые произвели на личность созданные им машины. Нам и в голову не приходит отрицать здесь общественные расщепления (социальную дифференциацию) и общественную борьбу, возникшую вследствие утверждения капиталистически-пролетарского слоя. Мы только считаем, что этот строй и выражающая его система политико-экономических и социальных учений, включая сюда и марксизм, — являются надстройками («эпифеноменами») над определенным состоянием научно-технического уровня. Этот уровень, в свою очередь, есть функция духовно-творческой деятельности человека. Совершенно легко себе представить такое изобретение, или такое состояние научно-технического уровня, при котором будут сбиты и перепутаны, как карточные домики, все человеконенавистнические хитроумия прожестеров гражданской бойни. В самом деле, ведь все расчеты революционеров этого рода построены на идее скудости, а не на идее богатства, на идее голода, а не на идее сытости, на идее нерассуждающего стадного повиновения (так наз. «сознательность», «партийная дисциплина»), а не на разумном рассуждении, критике и инициативе; наконец, что всего печальнее, этот идеал основывается на идее сбитых в конгломерат, сломленных, но не преодоленных индивидуальностей («коллективизация»), а не на идее соборно-органического симфонизма, в котором самозамкнувшаяся эгоистическая индивидуальность преодолена ради свободной личности — как единичной, так и множественной.

Появление новых источников дешевой энергии, соответствующие усовершенствования в сельском хозяйстве, прогресс синтетической химии пищевых веществ, орошение пустынь, удачное решение проблемы международного мира, удачное решение проблем кооперации и участия рабочих в прибылях (копартнершипа) — немедленно превратят всю взрывчатую силу марксо-коммунизма в безвредный хлам бумажной макулатуры.

Все эти усовершенствования несомненно связаны с ростом новейшего естествознания, мощно пробивающего себе путь в стороне от жалких шаблонов «классического» материализма и механизма.

Любопытно, что они (марксо-коммунисты) не проявили ни малейшего интереса к философии техники и связанной с нею философии естествознания. Слепота и глухота марксизма объясняются тем, что он генетически прикреплен к определенному виду техники (к паровой технике, о которой мы уже говорили), он носит его в крови, почему и лишен всякого кругозора в этой области, как его лишен был и Маркс. Между тем, здесь раскрываются поистине грандиозные перспективы в прошлое, настоящее и будущее.

Техника нашего поздне-четвертичного человека начинается с малого количества и малого качества; она в своем рождении¹⁾ связана с механикой удара, толчка и примитивными разновидностями «простых машин» — рычага и наклонной плоскости. Характерно отсутствие вращения, вала и так наз. трансмиссий (валов с насаженными на них шкивами для передачи вращения). В этот период техника отличается индивидуальным или групповым характером. Она направлена на поднимание тяжестей, на охоту, скотоводство, примитивное земледелие, на добывание огня, примитивное речное и морское судоходство, примитивное судостроение. В этом состоянии она пребывает очень долгое время, когда она, наконец, в эпоху халдейских и египетских древностей эволюционирует в большое качество и относительно малое количество. После катастроф, приведших к средневековому типу культуры, техника в новую эпоху европейской истории эволюционирует в большое количество и относительно малое качество. Здесь техника становится социальной, появляется и достигает высшего развития капитализм, отрывающийся от примитивного водяного двигателя и примитивной паровой машины и прогрессирующий до грандиозных усовершенствованных паровых установок, паровых и водяных турбин. В этот период господствуют вал, вращение, трансмиссия; все это очень громоздко и относительно слабосильно. Социальные противоречия достигают страшной остроты и напряженности, а процессы централизации все усиливаются. В этот момент с почти внезапной взрывной силой нарождается техника малого количества и большого качества: двигатели внутреннего сгорания и электродвигатели с их почти неограниченной дробимостью и способностью к децентрализации. При этом происходит совмещение больших централизованных и малых децентрализованных форм.

1) Неверно думать, что примитивный четвертичный человек, известный нам по свайным постройкам, пещерам, «кухонным отбросам» есть действительно впервые начинающий свою техническую карьеру, только что возникший из животного состояния человек. Скорее всего, что это период одичания после предыдущего расцвета, оборвавшегося катастрофой, — так сказать, рождение или возрождение после смерти.

Появляется огромный по своему разнообразию спектр промежуточных социальных и технических состояний. Этим остро противоречий смягчается, вследствие чего сильно уменьшается опасность всеобщего взрыва. В социально-экономическом отношении положение рабочего тоже имеет склонность к изменению: намечаются возможности своеобразной децентрализации рабочего, пока еще в формах капиталистических и в противоречивом сочетании с крайне односторонней специализацией (Америка). Вращение и вал продолжают или даже вовсе уничтожаться, имеют тенденцию сокращения или даже вовсе уничтожаться по причине местного приложения децентрализованных двигателей. В связи с открытием радиоактивности и четвертого (лучистого) состояния материи, появляются первые признаки колоссальных по силе генераторов энергии, основанных на междуатомной и волнообразной (ондуляторной) механике. Эта новая механика почти ничего общего не имеет со старой механикой грубого удара и толчка. Появляется идея механического движения без вала и вращения, идея машины, которую можно было бы назвать химической. Таков, напр., принцип автомобиля-ракеты, аэроплана-ракеты с сюда примыкающим проектом прибора для путешествия в междупланетных пространствах. Вырисовывается новый, грандиозный перелом. По всей вероятности мы находимся в преддверии этого периода.

Возможно, что далее дело пойдет в совсем ином сравнительно со старой механикой направлении. Не исключена возможность, что генераторы примут ничтожные размеры при гигантских количествах развиваемой энергии. Изготавливаться они станут по всей вероятности, в лабораториях. Большие фабрики и заводы запустеют так же, как запустели многие железнодорожные и трамвайные линии от конкуренции автомобилей. В этой «технике будущего» вращение, вал, трансмиссия — упразднятся. Явится новый тип метатехники, где снова связь между искусством и техникой будет восстановлена. Социальные отношения, вероятно, примут индивидуально-групповой оттенок со своеобразным, резко очерченным профессионализмом. Начнется ожесточенная борьба за нравственность и веру, ибо технике, при таком ее могуществе, уже невозможно будет сохранять свой, хотя бы поверхностный, нейтралитет. Проблема общественно-государственная (социально-этическая) вновь станет нравственной (этической) по преимуществу. Со всей остротой встанет проблема мира и войны.

Схема этого наброска философии истории «с точки зрения техники» (*sub specie technicae*) трехчленна и вполне соответствует вышеприведенной диалектике тезиса, антитезиса и синтеза.

Первая эпоха. Начало простых машин, грубая междумас-

совая механика удара и толчка, отсутствие вала, вращения и трансмиссии, господство религии и этики над социологией.

Вторая эпоха. Максимальное увеличение и усложнение простых машин и междумассовой техники удара и толчка. Господства вала, вращения и трансмиссии. Господство социологии над религией и этикой.

Третья эпоха. Она находится еще в состоянии проективном. Намечается развитие междуатомной и ондуляторной механики. Предвидится ограничение и, быть может, исчезновение вращения, вала и трансмиссии. Вновь намечается господство религии и этики над социологией.²⁾

Здесь, на рубеже второй и третьей эпох, возможно, в случае войны и победы марксо-коммунизма, грандиозное одичание, регресс и возвращение в состояние первых эпох. Впрочем, даже если этого не случится, — все же развитие метатехники и метамеханики (или лучше — ультра-техники и ультра-механики) само может вызвать, особенно при наличии нравственного вырождения, некую страшную катастрофу, быть может, планетарного характера. Катастрофа эта может смести и уничтожить не только изобретателей, но и то место, на котором они находятся. Но также весьма вероятен диалектически-идеологический сдвиг и взрыв внутри самого марксо-коммунизма, в результате которого победят творческие евразийские идеи столь же далекие от марксизма, как и от капитализма.

Марксизм связан с данной эпохой в науке и технике, он сам есть надстройка над ними. Но видя всюду надстройки, марксизм ни за что не желает самого себя признать за одну из них. Он претендует на бесконечно большее. Доктрина Маркса превратилась в лже-религиозную догму без всяких на это прав, ибо не имеет трансцендентного содержания, без которого нет религии. Доктрина Маркса, как Левиафан Гоббса, предписывает знание, веру, мораль и нормы личного поведения с определенной целью уничтожения самой личности. Марксистский Левиафан не может не смотреть на дальнейший прогресс науки, техники и общественных отношений, как на «ересь».

Это мы наблюдаем с особенной отчетливостью на судьбах диалектики в России. Так называемый «диалектический материализм» есть единственная допущенная форма философии,

2) Весьма возможно и даже вполне вероятно, что первый период есть период одичания, имеющий позади себя великую, так сказать, инфра-технику погибших культур — быть может магически-окультурного характера; равным образом, нам предстоит войти в эпоху ультра-техники, связанную с частичным, неполным овладением междуатомными силами. Возможно, что для техники, также, как для геологии и био-антропологии, существуют свои периодизмы.

— предписанная и принудительно вводимая правительством СССР. Но малейшая попытка действительной диалектики хотя бы внутри марксизма немедленно приводит к грубому внешнему пресечению начавшегося диалектического процесса. Это объясняется тем, что в самом ортодоксальном марксизме нет настоящей философской диалектики, но есть вероучение о превращении капиталистического общества в коммунистическое. Так как коммунизм предполагается вечным, то этим «диалектика» вся кончается. Конечно, это не диалектика, но социальная эсхатология. Между тем, настоящая диалектика не имеет пределов и является отделом гносеологии, или лучше сказать формой гносеологии; у Гегеля она наполнена онтологическим содержанием, которое, впрочем, подлежит оспариванию, как и вообще весь философский стиль Гегеля. Впрочем, возможны формы диалектики ничего или мало общего имеющие с Гегелем — например, диалектика Платона-Сократовского и вообще античного типа, диалектика Канта, диалектика христианской догматики, диалектика новейшего естествознания и математической философии и т. д. На всем этом в СССР поставлено в полицейском порядке строжайшее veto. Между тем, как раз здесь то и коренится блестящие возможности не только для философии, но и для положительной науки, для техники, социальной этики и даже для социальной эсхатологии — в духе, напр., Федорова.

«Диалектикой», в сущности, в СССР названа совокупность quasi теоретических положений, обосновывающих «генеральную линию». Но всякому ясно, что в генеральной линии могут быть только тезисы со строжайшим запрещением всяких антитезисов. Что же касается синтеза, то его в официальном направлении и на горизонте не заметно. Итак в генеральной линии нет диалектики, но есть лишь материализм. Это понятно: материализм исключает как учение о материи, так и диалектику. В материи действительно есть диалектика, — это показывает нам новейшее естествознание, но нет никаких признаков диалектики в материализме. Между тем, учение о классовой истине приводит к тому, что ортодоксальный марксист, желая быть последовательным, должен был бы на вопрос о сущности материи и о материализме ответить так:

— Материя это то, что учит о ней компартия.
Или:

— Материя это то, что предписывают думать о ней вожди генеральной линии.

Конечно, это очень легко, но совсем не диалектично, ибо подлинная материя есть вечная диалектическая задача. Поэтому само выражение «материализм», как закрепляющее навсегда одно из учений о нем, есть антидиалектическая нелепость.

Автор этих строк охотно станет материалистом, если марксо-коммунисты ответят ему на вопрос: — что такое материя? Но отвечая на такой вопрос, они впадут либо в материализм и классовой идеализм — и тогда прощай диалектика. Или же принуждены будут вступить на путь реальной диалектики — и тогда прощай классовая точка зрения и материализм.

Третья эпоха, о которой мы говорили — раскрывает новые пути для диалектики материи, диалектики техники и социально-этической диалектики. Евразийство ставит своей задачей ускорить и организовать наступление третьей эпохи. Наступление ее означает тем самым конец марксизма и коммунизма, с ним неразрывно связанного. Она зарождается в недрах самого марксо-коммунизма — и рано или поздно победит несмотря ни на какие препятствия — ибо таков закон истинной диалектики.

В. Н. Ильин